

Мартов, Старовер и т. д., значит не понимать значения этого слова, и если он все-таки лезет с ним, то ясно, что он безнадежен.

Странное дело! У нас стали называть оппортунистами тех, которые не *хотят приспособлять своих взглядов ко взглядам и «ндраву» Ленина*, т. е. тех, которые лишены оппортунизма, желательного для этого маленького Солона³ наизнанку. Тех же, которые отличаются этим оппортунизмом, почему-то называют *твердыми*. И чем больше у них этого оппортунизма, тем более твердыми кажутся они себе и другим. Слова имеют свою судьбу, как и книги! Но тов. Лядов знает, что я не держусь этой странной терминологии: у меня для «твердых», — т. е. собственно для некоторой их части, — есть другое название...

P. P. S. Кроме товарища Лядова мне прислал письмо еще какой-то Нилов. Это лицо мне совершенно неизвестно, так что я не только не знаю, за кого и когда оно голосовало, но мне не известно даже, имело ли оно право голосовать за кого-нибудь из нас, т. е. принадлежит ли оно к нашей партии. Если Лядов допрашивает, то Нилов просто бранится. Наша редакция не сочла себя обязанной помещать на столбцах «Искры» эту брань, которая, ввиду указанного обстоятельства, является как бы анонимной.

Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция

Лучше поздно, чем никогда...

Вопрос об отношении социал-демократической интеллигенции к рабочему классу в той его формулировке, которая интересует нас здесь, представляет собою лишь одну из разновидностей коренного вопроса «философии истории»: вопроса об отношении общественного «*бытия*» к общественному «*мышлению*». В течение всего XIX века этот последний вопрос, можно сказать, не сходил с очереди в общественной науке, ложась в основу даже некоторых *теологических споров*: так, например, знаменитый в свое время спор между Штраусом и Бруно Бауэром¹ о происхождении евангельских

вымыслов был в сущности спором о том, как относится «мышление» («Selbstbewußtsein»² Бруно Бауэра) к «бытию» («Substanz»³ Штрауса). В истории русского революционного движения он выступал на сцену каждый раз, когда наши революционеры начинали задумываться об отношении *интеллигенции* к «народу». Будущий, — более глубокий и более разносторонне образованный, — Милюков⁴ откроет в наших бесконечных и беспорядочных всероссийских спорах об этом вопросе массу интереснейших данных для «истории русской культуры». Я от души желаю успеха этому будущему Милюкову, но сам я не имею теперь ни желания, ни возможности забираться «в глубь времен». Я стану рассматривать этот вопрос лишь постольку, поскольку он затрагивает самые насущные, практические интересы нашей партии.

Наши «экономисты» говорили еще недавно, что «революционная бацилла — интеллигенция» не должна предлагать пролетариату социалистическую программу раньше, чем он сам, безо всякой помощи с ее стороны, додумается до социалистических идеалов. Это была большая *практическая ошибка*, обусловленная грубым *теоретическим* промахом: непониманием той роли, которую играли, играют и не могут не играть передовые личности в истории развития революционного класса. Теперь взгляд «экономистов» отвергнут едва ли не всеми российскими социал-демократами. И я как нельзя более рад этому обстоятельству, потому, что меня очень сильно огорчала и раздражала грубая и вредная ошибка «экономистов». Но из того, что теперь никто из нас не согласен с экономистами, вовсе еще не следует, что вопрос об отношении социалистической интеллигенции к «народу» решается нами теперь безошибочно. Заблуждаться можно — увы!! — на множество самых различных и даже противоположных ладов. У нас многие держатся теперь в решении этого вопроса такого взгляда, который можно назвать *дополнительным* до взгляда «экономистов»: эти два взгляда *дополняют* друг друга до *истины* подобно тому, как в геометрии известные углы дополняют друг друга до *прямого*. Но как ни один дополнительный угол не может быть прямым, а непременно будет более или менее *острым*, совершенно так ни один дополнительный взгляд никогда не может быть *верным*, а всегда будет более или менее *ошибочным* в своей *односторонности*. В данном случае элемент ошибки делится в равной мере между тем взглядом, которого держались «экономисты», и тем, который

сменил его в умах некоторой части наших товарищей, уподобляя каждый из них острому углу в 45 градусов.

Взгляд, заменивший у нас собою отвергнутый взгляд «экономистов», состоит в том, что если бы не было знаменитой «бациллы», то шансы социализма были бы равны нулю, так как сам по себе рабочий класс не может прийти к социалистическим выводам*. Это тот же «экономизм», но только поставленный вверх ногами: отношение общественного «мышления» к общественному «бытию» понимается здесь ничуть не лучше. Чтобы сделать настоящий, а не мнимый «шаг вперед» в понимании этого отношения, мы должны прежде всего справиться с этой новой ошибкой, разделаться с этой новой погудкой на старый лад.

Рассмотрим же этот предмет со всем тем вниманием, какого он заслуживает по своей теоретической и практической важности.

Указанная мною новая погудка на старый лад, явившаяся как неосмысленная и односторонняя реакция против одностороннего и неосмысленного взгляда «экономистов», нашла себе наиболее яркое выражение в брошюре Ленина «Что делать?» К этой брошюре мы и обратимся.

Там, на стр. 20, в главе: «Стихийность масс и сознательность социал-демократии» мы встречаем следующее интересное суждение, относящееся к нашим знаменитым стачкам девяностых годов.

«Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической; они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло, сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознания социал-демократического. В этом смысле стачки девяностых годов оставались движением чисто-стихийным».

Что десятки тысяч рабочих, участвовавших в названных стачках, далеко еще не стояли на высоте социал-демократического сознания, с этим, разумеется, нельзя не согласиться. Но посмотрим, как Ленин обосновывает далее свое суждение.

«Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть* (курсив Ленина). Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии

* Я указал на это еще в моем *Vademecum'e*» [Сочинения, т. XII.].

выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции».

Социал-демократическое учение в нашей стране действительно и несомненно было естественным и неизбежным результатом развития мысли у «революционно-социалистической» интеллигенции. Но откуда взял Ленин, что эта мысль развивалась «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения»? Вот интересный вопрос.

Если бы Ленин был хоть немного лучше знаком с историей нашего революционного движения, то он знал бы, что «стихийный рост рабочего движения» оказал на него очень сильное влияние именно в то время, когда старая народническая теория начинала трещать по всем швам, вследствие новых, непредвиденных ею, запросов жизни. В революционной литературе конца семидесятых годов можно найти несколько весьма поучительных примеров того, как неожиданное появление на нашей исторической сцене пролетариата со свойственными ему общественными запросами сбивало с толку народнических писателей и тем приближало время основательного пересмотра народнической программы. На первый раз я отсылаю Ленина к передовой статье № 4 «Земли и воли»⁵, написанной по поводу стачек на Обводном канале в Петербурге.

«К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине девяностых годов, — продолжает Ленин, — это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы “Освобождение труда”⁶, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России» (стр. 20–21).

В качестве члена-основателя бывшей группы «Освобождение труда» я категорически утверждаю, что если мы, бывшие черно-

передельцы⁷, перешли от народничества к марксизму, то этим мы в очень большой степени обязаны «стихийному росту рабочего движения». Влияние на нас этого роста можно было бы документально доказать некоторыми выписками из «Черного передела». Но я не делаю этого, надеясь, что читатель поверит мне на слово, и ограничусь указанием на то, что мне, игравшему некоторую роль в истории возникновения группы «Освобождение труда», приходилось, когда я еще был народником и принадлежал к организации «Земли и воли», главным образом, «заниматься с рабочими»; я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма. Очень характерно, что другой член-основатель группы «Освобождение труда», П. Аксельрод⁸, тоже посвящал свои силы преимущественно «занятиям с рабочими».

Место не позволяет мне, к сожалению, остановиться дольше на этом вопросе. Интересующихся им читателей я отсылаю к своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении». Из нее они увидят, как жестоко исказил Ленин неоспоримую историческую истину в угоду своей странной доктрине. Я же перейду к «Западу».

Что Маркс и Энгельс принадлежали к интеллигенции, это, разумеется, справедливо, хотя и эта справедливая мысль выражена у Ленина не вполне точно: так, например, «по происхождению своему», Энгельс, сын богатого фабриканта, вовсе не принадлежал к интеллигенции. Но это незначительная частность. Несравненно важнее то, что теоретические взгляды Маркса и Энгельса тоже развивались под сильнейшим влиянием «стихийного роста рабочего движения» в Германии, Франции и Англии. Это известно всем и каждому, и надо только удивляться, каким образом мог не знать этого Ленин. Ему достаточно было бы прочитать хоть английское предисловие, которое Энгельс предпослал своей книге «Die Lage der arbeitenden Klassen in England»⁹, чтобы понять, как решительно и сильно повлиял «стихийный рост рабочего движения» в Англии на развитие взглядов одного из основателей научного социализма. Что касается Маркса, то всякий, прочитавший хотя бы одну статью «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie»¹⁰, знает, что революционные упования будущего автора «Капитала» с самого возникновения своего находились в теснейшей зависимости от «стихийного рабочего движения». Наконец, если Ленину

некогда было делать такого рода литературные справки, то он мог бы проверить свою смелую теорию с помощью следующего простого рассуждения *a priori*.

Маркс и Энгельс признали пролетариат главной революционной силой нашего времени, силой, историческая миссия которой состоит в замене капиталистического способа производства *социалистическим*. Но, чтобы они могли признать пролетариат такой силой, необходима была наличность двух условий: во-первых, антагонизма классов и быстрого «стихийного роста рабочего движения», во-вторых, внимательного отношения к этим явлениям с их собственной стороны, т. е. со стороны тех, которые в свою очередь призваны были поставить социализм на научную почву*. Ясно, стало быть, что *совершенно немислимо* считать развитие научного социализма «совершенно независимым от стихийного роста рабочего движения». Если бы Ленин дал себе легкий труд сообразить это, он немедленно зачеркнул бы то свое положение, которое могло иметь некоторый смысл под пером писателя-реалиста, но является неожиданной бессмыслицей, когда его выдвигает и отстаивает человек, не без успеха выдающий себя за сторонника *материалистического объяснения истории*.

«Учение социализма» действительно «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образцовыми представителями имущих классов, интеллигенцией». Но пока интеллигенция «разрабатывала» свои социалистические теории, не то, чтобы «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения», — *этого никогда не было и быть не могло*, — а только не посвящая этому росту всего того внимания, какого он заслуживал, до тех пор *социализм оставался утопическими*, по замечанию Меринга¹¹ о французском утопическом социализме, способствовал скорее *затемнению*, чем уяснению классового самосознания пролетариата**. Как же мог Ленин упустить это из виду? Как мог он столь сильно уподобиться тому крыловскому герою, который *слона-то и не заметил?*

* «Новейший социализм, по своему содержанию, является прежде всего результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой — над анархией, существующей в производстве» (Энгельс).

** «Aus dem literarischen Nachlass etc.», Band II., p. 4.

«Философские, исторические, экономические теории», и вообще *идеи*, никогда не «разрабатывались» идеологами «совершенно независимо» от социальной истории и от «стихийных движений» того народа, в среде которого они возникали. Но «стихийный рост рабочего движения» представляет собою самое крупное, самое важное и самое влиятельное явление во внутренней *жизни* европейского общества XIX столетия. Спрашивается, можно ли хоть на одну минуту, хоть на одну сотую долю секунды допустить, чтобы научный социализм, — самое крупное, самое важное и самое влиятельное явление в истории европейской общественной *науки* этого столетия, — возник и развивался «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения»? Конечно, нельзя! Этого не допустит теперь сам профессор Кареев. Как же Ленину не стыдно было писать такие... странности?

Далее, откуда взял он, будто «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское»? Она ни о чем подобном не «свидетельствует». Она показывает совсем не то, что увидел в ней Ленин. Да оно и неудивительно. Если верно то коренное положение исторического материализма, которое гласит, что «*мышление*» людей определяется их «*бытием*», и если не обманывает нас та основная теорема научного социализма, которая говорит, что социалистическая революция явится необходимым следствием противоречий, свойственных капитализму, то ясно, что на известной стадии общественного развития рабочие капиталистических стран пришли бы к *социализму* даже в том случае, если бы они были предоставлены «своим собственным силам». Маркс и Энгельс прекрасно понимали и выясняли это.

Еще в 1845 году Маркс, споря с Бруно Бауэром, указывал на то, что пролетариат, как пролетариат, т. е. *в силу своего положения в капиталистическом обществе, вынужден будет прийти к отмене частной собственности, т. е. совершить социальную революцию**. При этом Маркс прибавлял, что «речь идет не о том, какую цель ставит себе в данное время тот или другой пролетарий или даже весь пролетариат. Речь идет о том, что представляет собою этот класс и что он, в силу этого своего бытия (*diesem Sein gemäß*),

* См. «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten», во втором томе изданного Мерингом «Nachlass'a», p. 132.

исторически принужден будет совершить. Его цель и его историческое действие осязательно и непререкаемо определяются его собственным житейским положением, равно как и всей организацией современного гражданского общества. И нет надобности распространяться о том, что значительная часть английского и французского пролетариата уже сознает свою историческую задачу и постоянно работает над тем, чтобы привести это сознание к полной ясности»*. Это, — как видит читатель, — совсем не похоже на то «трэд-юнионистское сознание», до которого, по словам Ленина, только и способен додуматься пролетариат «исключительно своими собственными силами»**.

Энгельс в этом отношении вполне согласен с Марксом. Описывая положение рабочего класса в Англии, он показывает, что английский рабочий не может быть доволен своим положением и что это положение должно заставить его стремиться к устранению нынешнего положения вещей. «Английский рабочий, едва умеющий читать и еще менее умеющий писать, — говорит он, — знает, однако, очень хорошо, в чем заключается его интерес и интерес всей нации; он знает, в чем состоит специальный интерес буржуазии и чего он может ждать от этой буржуазии»***. Первым выражением недовольства угнетенного класса являются, по словам Энгельса, преступления против собственности, число которых растет вместе с ростом промышленности****. Но рабочие скоро убеждаются в том, что эти преступления ничему не помогают. Преступление есть единичный протест личности против существующего порядка. Как *класс*, рабочие стали в оппозицию к буржуазии лишь тогда, когда они начали *сопротивляться введению машинного производства*. Но и этот род оппозиции распространялся лишь на отдельные местности и направлялся лишь против отдельных сторон нынешнего положения. Он тоже ничему не помогал. Надо было найти новую форму оппозиции, и она была найдена в *рабочих союзах* (трэд-юнионизм. — Г. П.). Эти союзы не могут внести существенные из-

* Ibid., p. 133 второго тома меринговского издания.

** Ср. p. 432 того же тома: «Die Arbeiter, von den Verhältnissen getrieben... allgesamt als eine Klasse mit ihren besonderen Interessen und Grundsätzen... der Bourgeoisie nach gemeinsamen Plane und mit vereinter Macht zu Leibe rücken».

*** «Die Lage etc.», первое изд., стр. 143–144.

**** Ibid., p. 258.

менения в отношении наемного труда к капиталу; но они помогают рабочим добиться кое-каких частных улучшений, а главное — они развивают в рабочих сознание того, что господство буржуазии основывается лишь на конкуренции рабочих между собою: раз рабочие перестанут конкурировать друг с другом, раз они не захотят подчиниться эксплуатации со стороны буржуазии, царство имущества (*das Reich des Besitzes*) придет к концу*. Энгельс прекрасно понимает, что нынешнее положение дел осталось бы неизменным, в своих существенных чертах, если бы рабочие ограничились тем, что перестали бы конкурировать между собой, т. е. если бы они не пошли далее «трэд-юнионизма». Но они «не могут поступить так... необходимость вынудит их устранить не только одну *часть* конкуренции, но конкуренцию *вообще* — и они сделают это. Рабочие уже и теперь все яснее и яснее видят, какие бедствия приносит им конкуренция; они яснее, чем сами буржуа, сознают, что конкуренция предпринимателей между собою, вызывая торговые кризисы, давит также и на рабочих и что она также должна быть устранена, и скоро они увидят, как им взяться за это дело»**.

Разумеется, архинелепо было бы понимать Энгельса в том смысле, что экономическая необходимость, толкая пролетариат на все более и более решительную борьбу с *капитализмом*, тем самым вызывает как бы самопроизвольное зарождение в их головах теории

* Ibid., p. 265. Это в высшей степени важное место, — значение которого для выяснения исторической роли рабочего движения и его шансов на победу до сих пор недостаточно оценено большинством социал-демократических писателей, — почти буквально повторяется в «Манифесте Коммунистической Партии» (см. стр. 16 второго издания моего перевода).

** Ibid., p. 265. «Критики» замечали по этому поводу, что, однако же, экономическая необходимость до сих пор не привела к социализму рабочих Англии, страны, в которой капитализм развит более, чем где-либо. Так как этот довод может выдвинуть теперь против меня кто-нибудь из «твердых» товарищей, то я укажу на то, что после того, как Энгельсом была написана его книга о положении английских рабочих, та же экономическая необходимость поставила Англию в *исключительное положение*, благодаря которому ее пролетариат утратил революционные стремления, одушевлявшие его в тридцатых и сороковых годах. Об этом см. написанное Энгельсом же «Приложение» к американскому изданию английского перевода его книги, особенно страницы V и VI. Теперь экономическая необходимость, устраняя исключительное экономическое положение Англии, опять поворачивает, хотя пока еще в слабой степени, взоры рабочих к социализму.

научного социализма. Энгельс никогда не говорил этого. Теория научного социализма могла зародиться только в научно подготовленных для этого головах. Но экономическая необходимость порождает и доводит до его логического конца, — т. е. до социалистической революции, — то движение рабочего класса, теоретическим выражением которого служит научный социализм. Таков тот взгляд, которого держались Маркс и Энгельс с тех самых пор, как сложились их общественные воззрения. А с точки зрения этого, — единственно научного, — взгляда историческая роль рабочего класса представляется совсем не в том освещении, в каком показывает ее нам в своей брошюре Ленин, старающийся внушить читателю то убеждение, что, будучи предоставлен своим собственным силам, пролетариат не в состоянии выйти за узкие пределы трэд-юнионизма.

По Ленину, рабочий класс, предоставленный самому себе, способен бороться только за условия продажи своей силы на почве капиталистических отношений производства. По Марксу и Энгельсу, этот класс необходимо должен стремиться устранить эти отношения, т. е. совершить социалистическую революцию.

Кто прав?

Судите об этом, как вам угодно, но если вы думаете, что прав Ленин, то не называйте себя последователями Маркса и Энгельса.

Марксизм, это — «совсем другая опера».

Излишне прибавлять, что основатели научного социализма никогда даже и на пушечный выстрел не приближались к тому взгляду, который впоследствии проповедовали наши «экономисты». Маркс и Энгельс очень хорошо умели ценить великое значение «революционной бациллы».

Когда Энгельс изучал положение рабочего класса в Англии, он был твердо убежден, что уже начавшееся там рабочее движение «стихийно» приведет к социалистической революции. Но это не помешало ему сознавать и утверждать, что дело революционной борьбы пролетариата много выиграло бы от усвоения этим классом социалистических идей. Он советовал английским социалистам, — редко принимавшим тогда активное участие в борьбе рабочих с фабрикантами, — взять на себя роль «бациллы»*. Но он

* См. также, какую деятельную роль рекомендует он американской социалистической «бацилле» в предисловии к упомянутому выше американскому изданию вышеназванной его книги. Это предисловие помечено 26 января 1887 г.

замечал, что для этого английский социализм должен коренным образом изменить свой характер и *стать чисто пролетарским*. Это последнее замечание лишний раз доказывает, между прочим, как чужда была Энгельсу дикая мысль о том, что революционный социализм может развиваться «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения».

Повторяю, Маркс и Энгельс прекрасно понимали значение «революционной бациллы». Но они прочитали бы ей очень суровую нотацию, если бы она, *бацилла революции*, — поддавшись вредному влиянию *бациллы самомнения и субъективизма*, вздумала *противопоставлять себя* рабочей массе и утверждать, что пока она не осенит этой массы революционной благодатью своей сознательности, до тех пор та останется в духовной и материальной зависимости от буржуазии и не в силах будет не только повалить капитализм, но просто хотя бы только «экспроприировать экспроприаторов». Когда «Бруно Бауэр и К^о» позволили себе нечто вроде такого противопоставления, то Маркс обрушился на них с едкими насмешками, совершенно справедливо утверждая, что противопоставление «критической критики» массам есть не более, как новое видоизменение старой противоположности между *Духом и Материей*. «Если бы критика, — писал он, — была лучше знакома с движением низших классов народа, то... новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая от этих классов в Англии и во Франции, доказала бы ей, что они способны умственно подняться, и не будучи непосредственно осенены святым духом критической критики»*.

«Противоположность между Духом и Материей, — продолжал Маркс, — есть критическая “организация общества”, — причем Дух или Критика представляют собою труд организации, масса — сырой материал, а история — фабрикат»**.

Не иначе отозвался бы Маркс и о теории Ленина, у которого, как и у «критической критики», масса есть лишь неодухотворенный сырой материал, над которым производит свои операции отмеченная печатью дара духа святого интеллигенция.

«Караул! — кричит читатель из “твердых”, — вы искажаете мысль Ленина! Вы изображаете его чем-то вроде субъективиста,

* «Die heilige Familie», p. 243.

** Там же, та же стр.

между тем как он просто-напросто развивал мысль Каутского¹², подробно изложенную в статье «Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Osterreich»!¹³ Так нельзя! Я сейчас созову других твердых и предложу написать против вас протест!»

Успокойтесь, «твердый» товарищ, мне известно, что протесты пишутся теперь вами с той восхитительной легкостью, которая составляла до сих пор монополию «социалистов-революционеров». Но все-таки прежде, чем писать «протест», выслушайте меня до конца. Может быть, вы и сами найдете, что для протеста нет никаких оснований.

Ленин действительно приводит, на странице 27 своей брошюры, длинную выписку из статьи Каутского, посвященной обсуждавшемуся тогда (в октябре 1901 г.) проекту новой программы австрийской социал-демократии. И в этой выписке, действительно, говорится, что социалистическое сознание есть нечто, извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не стихийно из нее возникшее. Но Ленину нужно было очень невнимательно отнестись ко взгляду Каутского на движение пролетариата, чтобы сослаться на этот взгляд для подтверждения собственных измышлений.

Прежде всего я обращаю внимание читателя, — «твердого» и не твердого, — на следующее место той же самой статьи того же самого Каутского.

«Но что возрастает во всяком случае, так это противоположность между трудом и капиталом, противоречие между капиталистической тенденцией к увеличению зависимости (наемного труда от капитала. — Г. П.) и растущей у пролетариата потребностью в независимости, — противоречие, которое, пока существует капитализм, делает необходимыми борьбу классов и стремление ниспровергнуть класс капиталистов, противоречие, которое исчезнет только тогда, когда будет разрешено»*.

Мы видим: указываемое здесь противоречие вызывает, по ясно выраженному мнению Каутского, у пролетариата стремление к ниспровержению класса капиталистов, и чем более растет это противоречие, — а Каутский указывает отменно на его рост, — тем более, конечно, должно усиливаться это, вызываемое им, стремление пролетариата. Так это или нет? Кажется, так. Что же означает это стремление ниспровергнуть класс капиталистов? Очевидно,

* «Die Neue Zeit», 1901–1902, № 3, p. 75.

не что иное, как *стремление устранить капиталистические производственные отношения*, т. е. покончить с капитализмом, т. е. сделать *социалистическую* революцию. Так это или нет? Кажется, так. Теперь я спрашиваю: то ли это, что говорит Ленин? Нет, совсем не то. Каутский, — совершенно так же, как и Энгельс в цитате, сделанной мною выше из его книги о положении рабочего класса в Англии, и точно так же, как и Маркс в книге, направленной против Бруно Бауэра, — говорит, что противоречие, свойственное капитализму, неизбежно вызывает у рабочих стремление устранить капиталистические производственные отношения, а неудачно сославшийся на него Ленин уверяет, что это противоречие может толкнуть пролетариат только на борьбу, ведущуюся *на почве* этих отношений. *Каутский верен марксизму: Ленин изменяет ему*. Тассо¹⁴ у Гёте¹⁵, слушая Антонио, восклицает:

Mit Beifall und Verehrung hor' ich dich¹⁶.

В ответ на это Антонио говорит:

Und dennoch denkst du wohl bei diesen Worten
Ganz etwas Anders, als ich sagen will¹⁷.

Так и Каутский мог бы сказать Ленину по поводу своих слов, «с одобрением и почтением» цитируемых Лениным: «Ты *придам им совсем не тот смысл, какой они имеют у меня*».

Я вижу, что «твердый» читатель опять «возмущен» и опять, подобно самому вульгарному «социалисту-революционеру», собирается писать «протест». Но я опять прошу его слушать дальше.

В споре с Бернштейном¹⁸ Каутский, опровергая нелепое истолкование взглядов Маркса, даваемое бедным Эдуардом вслед за буржуазными экономистами вроде Шульце-Геверница¹⁹, следующим образом излагает то, что он справедливо считает истинным взглядом Маркса и с чем сам он безусловно соглашается:

«Уничтожение мелкого производства, составлявшего прежде господствовавшую форму, создает пролетариев, наемных рабочих. Чем более развивается капиталистическое производство на развалинах ремесла, тем более уменьшается для наемного рабочего возможность добиться независимости от эксплуатации и от порабощения капиталом в качестве изолированного производителя

на основе частной собственности; тем более усиливается его стремление (у Каутского сказано даже сильнее: *Verlangen*. — Г. П.) уничтожить частную собственность.

Так возникает с силой естественной необходимости вместе с пролетариатом социалистические тенденции как у самих пролетариев, так и у тех, которые становятся на точку зрения пролетариата»*.

Каутский прибавляет: «Так объясняется возникновение социалистических стремлений». И в самом деле, оно объясняется именно так. И это объяснение и представляет собой тот «прямой угол», ту искомую истину, которая вполне согласна с материалистическим объяснением истории и одинаково далека от «острых углов» односторонности, свойственной как Ленину, так и «экономистам». Пролетариат вовсе не есть «Материя», неизвестно кем осужденная на вращение в заколдованном круге «трэд-юнионизма» и могущая выйти из этого круга лишь с помощью «Духа», «бациллы», «интеллигенции». Нет! Влекомый непобедимой силой современных общественных отношений, он и сам более или менее быстро движется в направлении к *социализму*, он и сам обнаруживает *социалистические стремления*. Но «бацилла» может ускорить движение, сделать его более осмысленным и более целесообразным; она может сыграть в высшей степени полезную воспитательную роль в среде борющегося с классом капиталистов пролетариата. И в этом ее великое историческое значение.

Группа «Освобождение труда», социал-демократические взгляды которой сложились *в прямой зависимости* от «стихийного роста рабочего движения», всегда приписывала «бацилле» именно это значение. Она всегда оставалась верной марксизму также и в этом отношении. И вот почему «ликвидация четвертого периода» нашего движения, — характеризующегося влиянием ленинской метафизики, подобно тому, как «третий период» его характеризуется влиянием «экономизма», — должна будет состоять, между прочим, в том, чтобы подняться, наконец, до теоретической точки зрения этой группы. Это скоро увидят даже совсем близорукие.

Так-то, «твердые» товарищи! Вы сами, надеюсь, видите теперь, что ваш «директор» здорово и, — нечего греха таить! — постыдно промахнулся. Или вы все-таки не видите этого? Ну, так читайте еще.

* «Bernstein und das sozialdemokratische Programm», Stuttgart 1899, p. 53.

По поводу того же проекта программы австрийской партии Каутский говорил на съезде этой партии в Вене, в послеполуденном заседании 4 ноября 1901 года:

«Верно то, что рабочее движение само из себя не может породить социал-демократическую мысль. Рабочее движение порождает социалистический инстинкт; оно порождает в пролетариате потребность в социализме, потому что пролетарий все более чувствует, что своими единичными силами, как отдельная личность, он не может прийти к обладанию средствами производства. Но теоретическое понимание, необходимое для того, чтобы привести к ясному сознанию этот инстинкт, вышло не из среды пролетариата, потому что у пролетариев отсутствовали все необходимые для этого условия научной работы. Это убеждение родилось в головах буржуазных ученых, имевших достаточно честности и беспристрастия, чтобы не ослепляться нуждами буржуазии. Все наши первые и великие социалисты принадлежали к этому слою: Сен-Симон, Фурье, Лассаль²⁰, Маркс, Энгельс. Но их теории остались бы простыми теориями, если бы слой даровитых пролетариев не передал их массе пролетариата, если бы они не оплодотворили рабочего движения и не сплывались в одно целое с ним»*.

Эти слова прежде всего показывают, что, — по мысли Каутского и вопреки уже слишком хорошо знакомому нам неверному мнению Ленина, — социалистическая теория развивалась отнюдь не «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения». Каутский прямо заявляет: «Из соединения рабочего движения с социалистической теорией возник новый, социал-демократический, образ мыслей, при развитии которого не только рабочие учились у социалистических теоретиков, но и социалистические теоретики у рабочих»**. Кроме того, речь Каутского на съезде австрийской партии показывает, в каком смысле надо понимать сказанное им прежде о внесении социалистической мысли «извне» в среду пролетариата. «Извне» вносится именно только ясное сознание, только научная теория, а историческое движение за пределы трэд-юнионизма, — вместе с порождаемым им «социалистическим

* «Protokoll tiber die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Osterreichs, abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901», p. 124.

** Там же, та же стр.

инстинктом», — вызывается самим положением пролетариата и рождается в собственной среде этого класса. Оказывается, значит, что мы имеем здесь дело с той самой мыслью Каутского, которую мы уже встретили в том месте его книги против г. Бернштейна, где он говорит, как надо понимать относящийся к этому вопросу взгляд Маркса. Но здесь он вы-сказывает ее по другому поводу и потому дает ей другую формулировку. Прежде он писал, что капитализм порождает вместе с пролетариатом и социалистические стремления как у самих пролетариев, так и у тех людей высших классов, которые становятся на их точку зрения; теперь он говорит, что социалистические стремления пролетариев, не будучи освещены социалистической теорией, остаются *инстинктом* и не достигают *социал-демократической сознательности*. Новая формулировка, пожалуй, менее удачна, чем старая, потому что в нее закрались некоторые неточности и неясности: например, Фурье совсем не принадлежал к буржуазным ученым, а Сен-Симона можно причислить к ним лишь с оговоркой. Но совершенно ясно, что именно надо понимать под социалистическим инстинктом в его противоположности социалистическому сознанию, так как в общественной психологии нелегко провести границу между инстинктом и сознанием. Но это для нас здесь не важно. Нам надо было знать, имел ли право Ленин ссылаться на Каутского для подтверждения своей мысли, и мы ясно видим теперь, что такого права у него совсем не было.

«Инстинктивный социализм» должен, по мнению Каутского, вести к *социальной революции*. И даже не только «*инстинктивный социализм*». В своем споре с г. Бернштейном Каутский высказывает твердое убеждение в том, что борьба классов в капиталистическом обществе своей собственной неумолимой логикой должна *даже враждебных социализму* пролетариев поставить перед такими задачами, решение которых «поразит капиталистический способ производства в самое сердце»*. И это же убеждение, целиком заимствованное им у Маркса и Энгельса, лежит в основе его сочинения «*Die soziale Revolution*», переведенного на русский язык *под редакцией Ленина*. Вот собственные слова Каутского: «Я хотел знать, какие последствия *необходимо* (mit Notwendigkeit) вырастают из политического господства пролетариата в силу его классовых интересов и нужд производства, совершенно независи-

* «Bernstein etc.», p. 180.

мо от той теоретической основы, на которой стоял бы пролетариат во время своей победы. Таким образом, я именно устранял при этом всякое предположение о влиянии на пролетариат социалистических учений. (Слушайте, «твердые», слушайте! — Г. П.) В начале моего исследования я прямо ставлю вопрос: как должен будет пролетариат воспользоваться своей властью? Не то, чего *захочет* он на основании той или другой теории или того или другого настроения, но то, что он *должен* будет предпринять, движимый своими классовыми интересами и силой экономической необходимости» *.

Довольно. Ленин не понял ни Каутского, ни Энгельса, ни Маркса, т. е. вообще он не понял научного социализма в его отношении к этому вопросу. *И это его непонимание представилось ему в виде неспособности пролетариата выйти за пределы «трэд-юнионизма», который к тому же изображается им как нечто упавшее с неба в законченном виде, раз навсегда данное и неизменное**.*

На нашем втором съезде Ленин, возражая одному из своих противников, сказал: «Говорят: Ленин ни о каких противоположных тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда “идет” к подчинению буржуазной идеологии. В самом деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение влечется к буржуазности *при благосклонном содействии Шульце-Деличей*²¹ *и им подобных?*» ***. Спора нет, это у Ленина действительно сказано. Но это нимало не улучшает положения дела. Само собою разумеется, — и никто, никогда ни на минуту не сомневался в том, — что *буржуазия Шульце-Деличей* и те «интеллигенты», которые так или иначе, сознательно или бессознательно, разделяют идеи Шульце-Деличей, стараются подчинить пролетариат своему буржуазному идейному влиянию. Мы были бы неопытны в политике, как грудные младенцы, если бы мы вообще могли спорить об этом. Но отсюда еще ровно ничего не следует. *Спорный вопрос заключается именно в том, существует ли такая экономическая необходимость, которая вызывает у пролетариата*

* «Die Neue Zeit», 22. Jahrg., Bd. I., № 19, p. 591.

** На вопрос, почему я не обнаружил его заблуждения тотчас же по выходе его, наделавшей так много шуму, но в сущности очень слабой во всех отношениях брошюры, *отвечает окончание второй половины этой статьи*, к которому я и отсылаю читателя.

*** См. 131 страницу «Протоколов» съезда. Курсив в подлиннике.

«потребность в социализме», делает его «инстинктивным социалистом» и толкает его, — даже в том случае, когда он предоставлен «собственным силам», — на путь социалистической революции, несмотря на упорные и беспрерывные усилия буржуазии подчинить его своему идейному влиянию. Ленин отрицает это, вопреки ясно выраженному мнению всех теоретиков научного социализма. И в этом заключается его огромная ошибка, его теоретическое грехопадение, еще больше и еще ярче оттеняемое его крайней неудачной ссылкой на «Шульце-Деличей».

В самом деле, что представляют собой эти господа «Шульце-Деличи и им подобные»? На этот счет не может быть двух мнений. Они — тоже «интеллигенция», но только интеллигенция, оставшаяся верной буржуазии, не перешедшая на сторону пролетариата. Что выйдет, если мы примем в соображение, — что мы непременно должны сделать, — влияние *этой* интеллигенции? То, что историческая роль пролетариата *всегда определяется интеллигенцией того или другого образа мыслей, а собственных стремлений, порождаемых экономическими особенностями его собственного положения, у этого несчастного класса, жестоко обделенного историей, совсем не полагается: он инертен, как дохлый осел, чтобы употребить здесь энергичное выражение Рабле. Это ли хотел сказать Ленин? Если да, то он запутался еще больше, потому что сказать это может только тот, кто не понял того, что говорит научный социализм об исторической миссии пролетариата.*

Итак, *главный довод, приведенный Лениным на съезде, говорит не за него, а против.*

Я недаром и вовсе не вследствие полемического увлечения сказал выше, что Марксу взгляд Ленина на отношение пролетариата к интеллигенции показался бы новой разновидностью взглядов Бруно Бауэра на отношение «критики» к «массе». Это непременно так и было бы на самом деле. Вспомните, что говорит Маркс о взгляде Бруно Бауэра.

Этот «критик» исходил из абсолютного идеализма Гегеля, подвергая его своей критике. Между тем как у Гегеля историю творит абсолютный дух, у Бруно Бауэра место абсолютного духа занимает, по замечанию Маркса, критическая критика. «Бруно Бауэр объявляет Критику абсолютным духом, а себя Критикой. Как элемент критики изгоняется из массы, так элемент массы

изгоняется из критики. Критика воплощается поэтому не в массе, а в небольшой горсти избранников, в г. Бруно Бауэре и его последователях»*.

К чему же это приводит? А вот к чему.

«По одну сторону сидит Масса, как пассивный, неодоухотворенный и неисторический материальный элемент истории. По другую сторону сидит: Дух, Критика, г. Бруно Бауэр и компания, в качестве активного элемента, от которого исходит всякое историческое действие»**.

Знакомая картина! Как раз это самое видим мы у Ленина; по одну сторону стоит рабочая масса, как пассивный элемент, не имеющий собственного движения и направляющийся туда, куда его ведут «Шульце-Деличи», а иногда социалистическая интеллигенция, по другую сторону сидит: интеллигенция, социализм, Ленин и компания, в качестве активного элемента, к деятельности которого приурочиваются все шансы освободительного движения пролетариата и социалистической революции.

Во взгляде Ленина мы видим не *марксизм*, а, — прошу прощения за некрасиво звучащее слово, — *бауэризм*, новое издание *теории героев и толпы*, исправленное и дополненное согласно рыночным требованиям самоновейшего времени***.

Теория героев и толпы, несостоятельная сама по себе и получающая некоторую степень внешнего правдоподобия лишь в эпохи неразвитого состояния борьбы общественных классов, ведет к весьма важным неудобствам в практике профессиональных революционеров.

Маркс говорит, что Бруно Бауэр, поправляя Гегеля, «объявил Критику абсолютным духом, а себя самого Критикой».

* «Die heilige Familie», p. 187.

** Там же, стр. 188.

*** Интересно, что даже буржуазный Зомбарт²² идет дальше социал-демократа Ленина, признавая, что образ жизни рабочего «необходимо» (mit Notwendigkeit) вызывает у него стремление к социализму. (См. «Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert». Dritte Auflage, p. 8) Почуввав в Ленине сторонника теории героев и толпы, «социал-революционеры» поспешили, как известно, объявить его близким к народовольцам. Он заслужил это, извратив марксизм. Но, конечно, в программном отношении он все-таки очень далек от народовольцев, потому что у него деятельность «героев» необходимо предполагает пролетарскую толпу.

Представьте же себе, что подобная «Критика» берется за политическую деятельность, за осуществление известного практического плана. Так как она объявляет себя единственным активным элементом истории, то она считается с массой лишь постольку, поскольку надеется, что та будет служить в ее руках сильным, но послушным орудием и пойдет туда, куда угодно будет вести ее «сознательной» госпоже Критике. Впрочем, до сколько-нибудь серьезного влияния на массу эта «сознательная» госпожа обыкновенно и не доходит, да и дойти ни в каком случае не может. Против одного кружка избранных восстают другие кружки, исполненные столь же наивного и непреклонного самомнения, и между ними начинается ряд жесточайших ссор и беспощаднейших столкновений, которые сосредоточивают на себе все их внимание, поглощают все их силы и парализуют все их усилия. Вместо широкой, освободительной *классовой политики* является узкое и жалкое *кружковое политиканство*, лишь тогда сменяющееся более широким образом мыслей и более разумным способом действий, когда усиливающееся и крепнущее *движение массы* воочию показывает всю смешную ограниченность кружковых «диктаторов» и всю жалкую тщету их усилий. Практика марксизма несовместима с теорией героев и толпы; теория героев и толпы несогласима с практикой марксизма. И вот почему Маркс и Энгельс питали такое глубокое отвращение к этой теории, как в тех случаях, когда она не выходила за пределы отвлеченной «критики», так и, — особенно, — тогда, когда ею вдохновлялись в своей практической деятельности крошечные мессии и миниатюрные «диктаторы» разных стран и всевозможных направлений. В разговорах со мной, — да и не только в разговорах со мной, — Энгельс не раз и настойчиво указывал на то, что в России, благодаря начинающемуся в ней рабочему движению, уже миновала старая заговорщическая практика нечаевщины и бакунизма*. Но мы не отделаемся от этой устарелой практики вплоть до тех пор, пока мы не покончим с теорией героев и толпы в ее новом, — и, будем надеяться, последнем, — видоизменении, т. е. пока мы не разделаемся с учением Ленина о «*стихийности масс и сознательности социал-демократии*». Это учение в значительной степени окрасило собой «*четвертый период*» нашего

* Читатель знает, вероятно, что на практике *анархист* Бакунин был таким же решительным и неуступчивым *централистом*, как и *марксист* Ленин.

движения, в некоторых отношениях отодвинув нас назад сравнительно с третьим его периодом.

Чтобы «ликвидировать» четвертый период, безусловно необходимо прежде всего всецело проникнуться сознанием полнейшей несостоятельности этого учения. Это *conditio sine qua non*²³.

Изгнав социализм из массы, а массу из социализма, Ленин объявил социалистическую интеллигенцию демиургом социалистической революции, а самого себя и своих верных беспрекословных последователей — социалистической интеллигенцией по преимуществу, так сказать, сверх-интеллигенцией. Всех «несогласно-мыслящих» он обвиняет в анархическом индивидуализме и, в борьбе с ними, он апеллирует к той самой *массе*, которая в его теории играет, как мы видели, роль пассивной *материи*. Он с негодованием бьет себя в грудь и, полный благородного гнева, кричит, что только пролетариат понимает все значение организации и дисциплины. Такого рода криками переполнена его новая брошюра «Шаг вперед, два шага назад», в которой он, — *логически развивая свои мысли*, — сделал в то же время, — и именно благодаря своеобразной, но неумолимой логике этих мыслей, — много *шагов назад* даже сравнительно с брошюрой «Что делать?»

Апелляция Ленина к пролетариату напомнила мне те воззрения, с которыми время от времени обращаются к народу наши «охранители». С точки зрения «охранителя» народ, это — именно неисторический элемент истории, движимый бдительным и мудрым попечением высших классов. Но едва только эти классы начинают хоть немного сочувствовать «вольнолюбивым» идеям, «охранители» немедленно вспоминают о народной мудрости и грозят, что вдохновляемый этой мудростью народ «своим судом» в прах разнесет вольнолюбцев. У них, как и у Ленина, народная масса служит гласным образом для того, чтобы пугать и «покорять под ножи» всякого, — внутреннего или внешнего, — «врага и супостата»...

Говоря все это, я чувствую, что читатель собирается сделать мне весьма серьезный упрек. «Если это так, — думает он, — если взгляд Ленина до такой степени ошибочен и вреден, если он противоречит научному социализму, то почему же вы до сих пор молчали? Почему вы раньше не обнаружили ошибочности и вредности этого взгляда? Или вы сами только теперь убедились в его ошибочности и вредности?»

Отвечаю: нет, не только теперь. Я находил его неверным с тех самых пор, как я ознакомился с ним. Когда я прочитал рукопись брошюры «Что делать?», я сейчас же сказал Ленину и другим членам нашей редакционной коллегии, что я вижу в ней довольно много теоретических ошибок. Что касается, в частности, «стихийности» и «сознательности», то я заметил Ленину, что эта последняя является у него, — по известному выражению Гегеля, — *wie aus der Pistole geschossen*²⁴, и я настаивал на перделке мест, казавшихся мне неправильными. Ленин возразил мне, что брошюра выходит за его подписью и что этим с редакции снимается значительная доля ответственности за нее. В то же время некоторые товарищи по редакции говорили, что я отношусь к Ленину слишком строго и что, хотя он иногда выражается неудачно, но на самом деле твердо держится ортодоксального марксизма. Этот довод показался мне не лишенным убедительности. Я никогда не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически неспособен к диалектическому мышлению. Но я думал, что он все-таки дорожит интересами теории и что теория, интересы которой ему дороги, есть все-таки *теория научного социализма*. Он представлялся мне, — если употребить выражения, часто встречавшиеся в этой статье, — более *инстинктивным*, чем *сознательным* марксистом; но я верил в благодетельную силу его «ортодоксального» *инстинкта* и надеялся, что он лучше усвоит если не *метод*, то *вывод* марксизма, — вещь, доступная даже для *метафизика*, — когда в его голову *извне* проникнет более ясное марксистское *сознание*. Притом же Ленин, отстаивая свои позиции, все-таки обещал «исправить» указанные ему мною несостоятельные места своей брошюры. Наконец — *last not least*²⁵ — мог ли я думать, что найдется много таких читателей, которым особенно понравятся ошибочные места этой брошюры, именно слабые стороны миросозерцания автора? Теперь, наученный горьким опытом, я знаю, что если в данном литературном произведении одновременно встречаются очень верные и очень ошибочные мнения, то одобрены будут нашими читателями прежде всего не те мнения, которые верны, а те, которые ошибочны; но тогда я еще не знал этой печальной истины и больше, чем теперь, полагался на собственное суждение читателя. Я надеялся, что наши «практики» усвоят себе из брошюры «Что делать?» те полезные, хотя вовсе не оригинальные мысли, что

организация для нас необходима и что социал-демократия не может обойтись без политической борьбы ни на одной из «стадий» своей истории, но что они и без моих указаний заметят слабость тех теоретических доводов, с помощью которых Ленин отстаивал свои почтенные, но весьма уже пожилые истины. А так как разногласий в нашей социал-демократической литературе и без того было слишком много и так как плодить их без настоящей практической надобности было по меньшей мере излишне, то я решился не выступать публично против Ленина. Но что я далеко не был удовлетворен его взглядами, это лучше всего видно из того, что однажды, — находясь под впечатлением его брошюры, а также моих продолжительных споров с ним по поводу составлявшегося тогда проекта нашей программы, — я высказал товарищу Мартову свое опасение того, что «теперь начинается у нас борьба метафизического марксизма Тулина с диалектическим материализмом Бельтова»*. Тов. Мартов, вероятно, не забыл этого разговора. Помнит он, надеюсь, и то, что хотя он и старался успокоить меня на этот счет, но я далеко не был покоен.

Когда брошюра «Что делать?» вышла в свет, то оказалось, что Ленин в ней почти ровно ничего не изменил. Это, разумеется, не понравилось мне, и в течение некоторого времени наши взаимные отношения были очень натянуты. Но потом они стали улучшаться. Проведя осенью 1902 года более месяца в Лондоне, где издавалась тогда «Искра», я из довольно частых разговоров с Лениным вынес то убеждение, что марксистское *сознание* в самом деле быстро проникает его голову и что точка зрения брошюры «Что делать?» для него самого является «превзойденной» точкой зрения. Потом, когда произошла знаменитая ростовская стачка, я написал в «Искру» две статьи, в которых нарочно снова поднимал вопрос об отношении в нашем деле *героев* к толпе и решал его совсем не по-ленински. Насколько мне было известно, Ленин не делал в заседаниях редакции никаких возражений против этих моих статей. Это еще более убеждало меня в том, то наш *инстинктивный* ортодокс все более и более становится *сознательным*. Наконец, в одной — двух позднейших статьях мне случись, —

* Тулин — автор одной из статей в сборнике «Материалы к характеристике экономического развития России», напечатанном весной 1896 г. и тогда же запрещенном цензурой. От его статьи на две версты несло метафизикой.

по другому поводу, — опровергать и осмеивать многие из тех узко-метафизических доводов, которые когда-то выдвигал Ленин во время наших споров о нашем проекте программы*. И эти статьи встретили со стороны Ленина не возражения, а скорее похвалы. Все это не оставило у меня ни малейшего сомнения в том, что он сделал своим развитием несколько очень значительных «шагов вперед» и покинул свои старые ошибки.

С этим впечатлением я поехал на наш съезд, где мне пришлось, между прочим, принять участие в прениях по поводу того самого взгляда Ленина, который я критиковал в настоящей статье. Убежденный в том, что Ленин уже отказался от этого взгляда, я не считал нужным его оспаривать и пытался даже прекратить относившиеся нему прения, как совершенно бесполезные при обсуждении нашей программы. Не надеясь, однако, что мне удастся это, я стал, как говорят французы, — *plaider les circonstances atténuantes*²⁶: «Ленин, — сказал я, — писал не трактат по философии истории, а политическое произведение». Другими словами это значило, что с точки зрения философско-исторической, — с какой я рассматривал его, например, здесь, — взгляд Ленина не выдержал бы критики. Если не ошибаюсь, т. Мартов тогда же понял эти мои объяснения в том смысле, что я в мягкой форме объявил себя несолидарным с Лениным как автором брошюры «Что делать?», и это было верно. Но на съезде я заботился главным образом не о том, чтобы отклонить от себя эту ответственность за брошюру «Что делать?», а о том, чтобы, не плодя излишних споров и разногласий, найти теоретически верную формулу, которая могла бы объединить как мнение нападавшего на Ленина т. Мартынова²⁷, так и тот новый взгляд, который, — как мне казалось тогда, — стал разделять Ленин под влиянием постепенно приобретаемого им *извне* социал-демократического сознания. «Вы говорите, — возражал я т. Мартынову, — что социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая сюда и сознательную его часть, т. е. всех тех, которые перешли на его сторону. Если вы хотите сказать это, то я не вижу основания разводиться не только с Лениным, но и с вами».

Эта последняя формулировка ставила всех нас на теоретически правильную точку зрения, совсем не затрагивая вопроса о том, насколько ошибся Ленин в своей брошюре. Если бы мы взялись

* Этих статей я не могу назвать по независимым от меня причинам.

обстоятельно разбирать этот вопрос, то мне пришлось бы, оспаривая Ленина, возразить также и нападавшим на него товарищам, так как им не удалось обнаружить именно самую слабую сторону его суждений. Но рассмотрение этого вопроса казалось мне неуместным при обсуждении нашего проекта, — выработанного не Лениным, — и вообще излишним: ведь сам Ленин, сделавший упомянутую выше, очень неудачную, попытку оправдаться, сам сознался, что в споре с экономистами он зашел *слишком далеко* и «*перегнул палку в другую сторону*»; из-за чего же было спорить и горячиться? Нам оставалось только заключить в свои объятия сына, бывшего некогда *блудным в теории*, и заколоть жирного тельца по случаю просияния ленинского «*сознания*».

Правда, в своем стремлении прекратить спор о разногласии, принадлежавшем, — по моему *тогдашнему* мнению, — к области безвозвратно минувшего *прошлого*, я сам зашел слишком далеко, чересчур *обеляя* Ленина. Иногда я говорил так, как говорят няньки о напроказивших детях, которых они хотят исправить, не прибегая к *наказанию*: «Это не Ваня (или, там, не Володя) шалил, это шалила кошка, а Володя (или, там, Ваня) — умный мальчик, он шалить не будет». Этот старый педагогический прием был ошибкой, о которой я теперь очень сожалею; теперь я вижу, что гораздо полезнее для дела было бы тогда же выставить в ярком свете теоретические шалости брошюры «Что делать?» Если кто-нибудь из товарищей захочет упрекнуть меня за эту ошибку, то я спорить и прекословить отнюдь не буду. Но я скажу себе в утешение; меня так часто упрекали в страсти к *спорам*, что недурно, пожалуй, для разнообразия, выслушать упрек за излишнее *миролюбие*.

Кстати о моей любви к спорам. С г. Струве²⁸ и «экономистами» я тоже начал спорить только тогда, когда убедился, что их *теоретические* ошибки и софизмы (г. Струве) могут иметь для нас вредные *практические* последствия. Поспорить из-за «*чистой теории*» я, правда, всегда не прочь; но многие и многие причины часто вынуждали меня воздерживаться от этого удовольствия. Энгельс справедливо сказал, что теоретики чистой воды встречаются теперь только между реакционерами.

Только после съезда увидел я, что мое крайнее миролюбие в отношении к Ленину и твердое намерение «не *разводиться*» с ним*

* См. в «Протоколах» мой ответ Акимову.

были *вредны* для нашей партии. Только после съезда окончательно выяснилось для меня, какое огромное влияние имела брошюра «Что делать?» на наших «практиков» и до какой степени она повлияла на многих из них *именно своими ошибками*. Только после съезда наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «Материю», движимую к социализму действующим *извне* «Духом», что этот ошибочный взгляд в значительной степени определил собою *тактические и организационные* понятия как самого Ленина, так и многих наших «твердых» практиков*. Наконец, только после съезда понял я, как горько я ошибался, приписывая Ленину движение «*вперед*». На самом деле он и не думал идти в этом направлении. Как нельзя более довольный той популярностью, которую создало ему его отклонение от марксизма, сделавшее его идеи более доступными для наименее подготовленных к пониманию марксизма «практиков», он не только не отложил в сторону палки, искривленной им в полемике с «экономистами», но сел верхом на эту кривую пажу и обнаружил самое недвусмысленное намерение ехать на ней, — при восторженных кликах всех советников Ивановых нашей партии, — в сторону... «*диктатуры*». Все это коренным образом изменило в моих глазах положение дел, и я решил бороться и спорить, следуя неоспоримо верному в данном случае правилу: *лучше поздно, чем никогда*.

В одном из последующих номеров «Искры» я покажу ошибочность взглядов Ленина на отношение «*политики*» к *экономической* борьбе, а потом разоблачу связь его *теоретических* ошибок с его *организационными* планами. Не нахожу нужным скрывать,

* Эта связь ошибочкой теории с вредной практикой вполне понятна. Люди, разделяющие тот взгляд, что социал-демократическая мысль могла развиваться «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения», могут позволить себе очень большую «*независимость*» от рабочего движения и вообще в своей практике уподобиться заговорщикам доброго старого времени. В интересах справедливости замечу, что на практические ошибки и крайности слишком «твердых искровцев» еще до съезда обращали мое внимание некоторые товарищи, принадлежавшие некогда к лагерю «экономистов». Хотя я и сам замечал и *отмечал* в письмах в редакцию «Искры» иные из этих крайностей, но показания бывших «экономистов» все-таки представлялись мне слишком преувеличенными. Теперь выходит, что они преувеличивали не так сильно, как я думал.

что и в этой критической работе я буду исходить из твердого убеждения в необходимости ликвидировать «четвертый» период нашей партийной истории, забросив в кучу старого хлама «перегнутую палку» Ленина.

Письмо к рабочим

Письмо третье

Товарищи-бланкисты!

Вы утверждаете, — вернее, вы верите тем, которые утверждают, — что я теперь уже «не тот»; что прежде я был решительным врагом оппортунизма, а теперь я не менее решительно склоняюсь к нему и т. п. Но вы ошибаетесь.

Когда человек сидит в поезде, который трогается с места и рядом с которым стоит другой поезд, остающийся неподвижным, то ему кажется, что пришел в движение этот второй поезд, а его поезд продолжает стоять. Вы испытываете ту же самую иллюзию. Со времени второго съезда вы пережили огромное превращение; вы покинули точку зрения марксизма и ударились в бланкизм, а я, — тоже ведь бывший «большевик», — остался на точке зрения Маркса. Вам же кажется, что вы продолжаете быть марксистами, а я ударился в оппортунизм. Вы хотите доказательств? Вот пока некоторые из них.

Вам не понравилось замечание, сделанное мной по адресу «Колокола»¹. В этом замечании вы увидели доказательство моего оппортунизма. Но в чем же заключается моя оппортунистическая ересь? Что я сказал «Колоколу»?

Я сказал, что вопрос о нашей тактике не может быть решен простой ссылкой на враждебную противоположность интересов буржуазии интересам пролетариата. Но это совершенно то же самое, что говорил я пять лет тому назад, т. е. в то время, когда все вы расхохотались бы в лицо всякому, кто заподозрил бы меня в оппортунизме. Вот смотрите.

«Россия далеко не так богата и далеко не так образованна, как западноевропейские страны. Но и в ней общественное развитие